

1988. - 29 нояб.

БЛАГОДАРНАЯ

Театральной публике имя Юрия Васильева, молодого артиста Театра сатиры, известно. Его актерской судьбе могут позавидовать не только молодые коллеги, но и артисты старшего возраста. Судьба эта явно нетипична и складывалась удачнее, чем у многих. Заслуженный артист республики, член правления СТД РСФСР, депутат Моссовета в коллективе — авторитет. А ведь ему всего тридцать три года.

Откуда такое везение? Знакомства? Связи? А может, все дело в характере? Или в том, что Васильев из Сибири?

Вообще слово «сибиряк» у нас обычно ассоциируется с образом высоченного человека богатырского сложения, прямолинейного и, может быть, немного простодушного. Так вот внешне Юра на этот нами придуманный стереотип совершенно не похож: среднего роста, худощавый, всегда элегантно, слегка «пижонски» одет. Но это — внешне.

Васильев приехал из Новосибирска в Москву поступать в театральное училище не случайно. Он точно знал, что хочет быть артистом. Он знал это еще в восьмом классе, когда пришел в новосибирский «Спутник Тюза». Им тогда руководила Кира Павловна Осипова. Ее Юрий считает своим первым педагогом, она поддержала решение поступать в московский театральный вуз и помогла подготовить программу для поступления. И не ошиблась. Театральные вузы Москвы — это огромный конкурс, настоящее испытание на прочность. А о конкурсе в Училище имени Б. Щукина ходят легенды. Но Васильев был принят сразу и прочно занял на курсе лидирующее место.

«Я считаю,— говорит Юрий,— что мой курс застал прекрасное время Щукинское училища. Время настоящего творчества. Такого, которого сегодня я в театральных вузах не вижу. А я там часто бываю. Сейчас ушли старшие педагоги, сама интеллигентность которых была не приобретенной, а врожденной. Они могли научить молодых артистов неповторимо ходить, говорить, держаться на сцене. Элементарные, кажется, вещи, но нынешним выпускникам вроде и не нужные».

После окончания училища Васильева приглашают сразу в шесть московских театров, что само по себе — редкая удача и хороший шанс для молодого актера. А он все четыре года, пока учился, собирался вернуться в Новосибирск, в коллектив к К. Осиповой. Но к тому времени новосибирский коллектив распался, и тогда у Юрия осталась одна мечта — Театр имени Евг. Вахтангова.

«Я однолюб. И я вахтанговец. В Москве мечтал работать только в Театре Вахтангова. Трагедией для меня было, когда мечта не сбылась. Евгений Рубенович Симонов поступил со мной тогда честно. Он сразу предупредил, что в театр взять не может: «ты вахтанговец. Но сейчас я тебе ничего дать не смогу. В театре идет смена поколений — лет через пять...» Это, конечно, стало ударом для меня».

Потом был очень краткий опыт работы в Театре драмы и комедии на Таганке. И вот Театр сатиры.

На отсутствие работы с самого начала жаловать-



ся не приходилось. Молодой актер, по его собственным словам, прямо-таки задыхался от работы. И все же постоянно тянуло в Вахтанговский...

Для Театра сатиры наступило тяжелое время: ушли два больших артиста — Андрей Миронов и Анатолий Папанов. Вместе с ними ушли из репертуара театра лучшие спектакли. У Васильева осталось всего три названия. К тому же делать актеру в такой ситуации, когда практически нет работы — искать ее в другом театре?

«У меня периодически возникали колебания — остаться или уйти. Но все время что-то останавливало. Есть у меня некие ограничители, что ли, преодолеть которые я не могу. Не могу я сейчас уйти из этого театра. Я слишком ему благодарен. Многим».

Вообще в чем угодно меня можно обвинить по-человечески, но в отношении к работе — тут меня никто ни в чем обвинить не может. Я приходил на спектакли больной. В прошлом году это было нервное истощение после потери Анатолия Папанова и Андрея Миронова. Это для меня была личная трагедия, потому что эти люди были настоящими большими художниками.

Анатолий Дмитриевич и Андрей Александрович как бы впустили меня в свое поле. Оба. Я ни в коем случае не могу сказать, что мы были близкими друзьями. Это учителя мои. Прежде всего».

За тринадцать лет работы в театре удач у Юрия было много. Но вот чувство удовлетворения тем, что он делает на сцене, появлялось далеко не всегда. А получив звание, даже немного испугался. Испугался, что наступят расслабление, переоценка сил, как это иногда бывает.

«Да ничего еще толком не сделано. Процентом на тридцать я еще только наработал свое звание. И все кажется, что не то делаю. Могу точно поручиться за три роли. Вот Джимми сделан мной в «Трехгрошовой опере» Брехта. Роль совсем не-

ВЗАИМНОСТЬ

большая, а удача, я считаю, огромная. Потому что придумано и наработано все от бессилия, от недостатка слов. Я люблю такие экстремальные ситуации. Но зато тут я точно знал, кто я, как к кому относиться,—я это все сам тщательно продумал и проработал.

Пров в «Гнезде глухаря» В. Розова. В первых спектаклях, когда еще только начинали работать, получал огромное удовольствие и удовлетворение от работы. От ощущения ансамбля. И здесь я опять точно знал, кто я. И от этого вдруг потом в спектакле рождались какие-то интересные находки, хотелось еще что-то придумать. Я даже иногда ловил себя на том, что тихонько наблюдаю за школьниками, ровесниками моего Прова.

Голубков в спектакле «Бег» по одноименной пьесе Михаила Булгакова. Роль, пожалуй, самая трудная для меня, над ней я работал постоянно, пока спектакль существовал, пока я в нем был занят. Для меня это — роль трагическая. Всегда мучился. То казалось, что это не до конца поставленный спектакль, то мешал возраст (мне было всего двадцать два года, я был намного моложе моих партнеров). И я думаю, что пару раз я его сыграл. Пару раз из ста с чем-то, но зато сыграл... Да, пожалуй, эти две роли — Пров и Голубков — они ближе всего мне...»

Удачи в театре, авторитет в коллективе — это прекрасно. Но и у молодого заслуженного артиста, ведущего огромную общественную работу, депутата, члена правления, председателя молодежной секции, может же иногда возникнуть шальная мысль... ну, скажем, о том, что-де то, что он дает театру, совершенно неадекватно тому, что он от этого театра получает. Всего три спектакля в репертуаре, а нет времени на съемки (сокурсники-то вон с телеэкрана не исчезают), даже на радио поработать, и то некогда...

«Да, бывают, конечно, периоды, когда чувствуешь, что времени на творчество остается катастрофически мало. Что надо бы освободиться от всей этой общественной работы. И в кино хотелось бы больше сниматься, и на радио я действительно очень люблю работать. К тому же принцип материальной заинтересованности еще, как известно, никто не отменял, а у меня семья. Но это все проблемы мои, и они, в общем-то, разрешимы».

Но чем бы я действительно хотел заняться — нет, не режиссурой — педагогической деятельностью. Меня тянет в педагогику. Преподовать. И обязательно на первые курсы. Я чувствую, что могу рассказать им даже на собственном опыте о настоящем отношении к работе и о людях, которые в нас его воспитали. Чтобы ребята любили дело, которым будут заниматься. Я его бесконечно люблю...»

Васильев любит театр, и иногда, когда видишь, как он живет на сцене, как отдает всего себя творчеству, кажется, что и сцена отвечает ему благодарной взаимностью. Что ж, впереди много ролей, удач и неудач. Главное, чтобы сохранилось это их увлечение, взаимное увлечение друг другом!

Е. ФЕКЛИСОВА.